

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ПОЛКОВОДЕЦ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Громадная толща лет отделяет нас от эпохи Александра Невского. Людям XX столетия знаменитый князь больше известен по историческим романам, беллетризованным жизнеописаниям, картинам Хенрика Семирадского, Николая Рериха, Павла Корина, кинофильму Сергея Эйзенштейна. Однако полная научная биография Александра Невского до сих пор не написана. И написать ее трудно¹. Дело в том, что прижизненных свидетельств деятельности Александра сохранилось совсем немного, а посмертные его характеристики страдают досадным лаконизмом, неполнотой, а то и просто разного рода неточностями и погрешностями. Казалось бы, простой вопрос — кто была мать Александра Невского? В Житии князя, составленном его современником монахом Владимирского Рождественского монастыря около 1264 г. (но не в 1282—1283 гг., как утверждается в большинстве современных изданий и исследований)², о рождении Александра сказано вроде бы ясно: «съи бѣ князь Александръ родися от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от матере Феодосии»³. Мать его названа даже по имени — случай редчайший в сообщениях о рождениях древнерусских князей. Однако о происхождении Феодосии ничего не сообщается. В русской исторической науке долгое время признавалось, что Феодосия — дочь торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удатного, т. е. Удачливого, который впоследствии долгое время был новгородским князем, княжил затем в Галиче и прославился как смелый и талантливый полководец. Однако в 1908 г. крупный специалист в области княжеской генеалогии Н. А. Баумгартен выступил со статьей, где доказывал, что Феодосия была дочерью рязанского князя Игоря Глебовича, умершего еще в 1195 г. По мнению Н. А. Баумгартена, Феодосия стала третьей супругой отца Александра Невского, переяславского (Переяславля Залесского) князя Ярослава Всеволодовича, и матерью всех его детей⁴. Эта точка зрения разделялась историками на протяжении нескольких десятилетий, больше доверявшими авторитету автора, чем системе его доказательств⁵. А система оказалась с изъянами. В самом деле, никакие источники не указывают на рождение в семье Игоря Глебовича рязанского дочерей. Сыновья были, целых пять, но дочерей не было. Согласно Н. А. Баумгартену, Феодосия вышла замуж за Ярослава в 1218 г., когда ей было не менее 23 лет. Для средневековья это возраст перезрелой девицы, поскольку обычно девушек отдавали замуж, когда им исполнялось 12—17 лет. Известно также, что жена Ярослава Всеволодовича, мать его сыновей, охотно гостила вместе с мужем в Новгороде, подолгу жила там одна, постриглась в Юрьеве монастыре, там скончалась и там была похоронена⁶. Никакого интереса к Рязани она не проявляла. В то же время ее невестка (ятровь), жена князя Святослава Всеволодовича, родом муромская княжна, решившись стать монахиней, отправилась в монастырь на родину в Муром «къ братьи»⁷. Полное равнодушие матери Александра Невского к Рязани наряду с другими ее характеристиками говорит о том, что она не была рязанской княжной, а была дочерью князя Мстислава Мстиславича. Ее крестильным именем было Феодосия, в быту же ее звали языческим именем

* Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Ростислава. Именно Ростислава-Феодосия стала матерью всех сыновей Ярослава Всеволодовича ⁸.

Их у переяславского князя было девять. Летописи сохранили известия о рождениях только первого и последнего сыновей князя Ярослава. Когда родились остальные семеро, неизвестно. Девятый сын Ярослава, Василий, родился в 1241 г. ⁹ А известие о рождении первенца в семье Ярослава и Ростиславы заключает в Лаврентьевской летописи статью 6727 года: «Того же лѣта родися Ярославу сынъ и нарекоша имя емоу Феодоръ» ¹⁰. 6727 год летописи, вычисленный от так называемого сотворения мира, которое, согласно Библии, произошло за 5508 лет до рождения Христа, мартовский ¹¹. В летописной статье, помеченной этим годом, описываются события, случившиеся в марте — декабре 1219 г. и январе — феврале 1220 г. Свое имя Федор Ярославич мог получить или в честь Федора Стратилата, или в честь Федора Тирона. Память этих двух наиболее почитавшихся на Руси Федоров отмечалась 8 февраля (Федора Стратилата) и 17 февраля (Федора Тирона), иными словами, Федор Ярославич должен был родиться в феврале. Это согласуется с местом записи о его рождении в статье 6727 года Лаврентьевской летописи. Она там последняя и должна описывать происшествия января — февраля 1220 г. Таким образом, можно твердо говорить о том, что старший брат Александра Невского родился в феврале 1220 г. И хотя в 1995 г. общественность нашей страны отметила 775-летие со дня рождения Александра Невского, появиться на свет в 1220 г. он не мог. Когда же родился Александр?

Древнейшие сохранившиеся росписи сыновей Ярослава Всеволодовича указывают Александра или на первом месте как самого старшего сына, или на втором. Все зависит от характера самих росписей. Если они фиксируют вообще всех родившихся у Ярослава сыновей, то тогда они указывают Александра на втором месте ¹². На первом, естественно Федор. Если росписи говорят о сыновьях Ярослава, уцелевших после завоевания русских земель Батыем, тогда они помещают Александра на первом месте ¹³, что также справедливо: Федор умер до монгольского нашествия. Исходя из показаний древнейших перечней сыновей Ярослава Всеволодовича, следует признать, что Александр был его вторым сыном. Поскольку старший сын Ярослава Федор как самостоятельное лицо впервые в летописи упоминается вместе с Александром, действует с ним и позднее, следует думать, что между братьями не было большой возрастной разницы. Но она существовала между Александром и его более младшим братом — Андреем, поскольку в 20—30-х гг. XIII в. контактов между ними не было. Принимая это во внимание, можно утверждать, что Александр родился на следующее лето после Федора.

Сохранившиеся печати Александра Невского на лицевой стороне имеют изображение конного или пешего воина, сопровождаемое надписью «Александръ», а на оборотной стороне — также воина и надписи «Федоръ». На лицевой стороне печатей изображался небесный покровитель князя Александра, на оборотной — его отца, в крещении нареченного Федором в честь Федора Стратилата ¹⁴. В честь какого же Александра-воина называли родители будущего победителя Невской битвы? В свое время Н. П. Лихачев высказал мысль, что в честь Александра Египетского. В. Л. Янин не поддержал этой догадки, оставив вопрос открытым. Действительно, предложенное Н. П. Лихачевым решение вопроса вызывает возражение. В древних (до XIII в.) византийских и славянских минологиях упоминается 21 святой Александр, но только четверо из них были воинами. Александр Египетский поминался 9 июля вместе с двумя другими святыми — Патермуфием и Коприем, память которых в указанный день отмечалась в первую очередь. 28 сентября отмечалась память другого воина Александра, но вместе с 30 другими святыми. Назвать сына Александром по имени святого, который праздновался вместе с другими святыми и даже не был главным среди них, родители вряд ли могли. Тем более что в княжеском именовании домонгольской Руси имя Александр было весьма редким, его носили только три Рюриковича. Очевидно,

Александр Ярославич получил свое имя по тому Александру-воину, память которого отмечалась особо. Здесь могут быть названы еще два святых. 10 июня отмечалась память воина Александра и девы Антонины, а 13 мая — память воина Александра Римского. Празднование последнего было распространено гораздо шире. Современник Невского отметил, что в 1243 г. имело место знамение, происшедшее в мае «на память святого мученика Александра»¹⁵. Имелся в виду Александр Римский. Очевидно, из двух возможных небесных покровителей Александра Невского следует предпочесть Александра Римского. А в таком случае временем рождения Александра Невского должно быть 13 мая 1221 г.¹⁶, и юбилейную дату появления на свет выдающегося деятеля XIII столетия надо отмечать в 1996 г.

Первое косвенное летописное известие об Александре относится к 1223 г. Под этим годом новгородская летопись сообщает: «Поиде князь Ярослав съ княгынею и съ дѣтми Переяслаю»¹⁷. Среди этих детей Ярослава Всеволодовича, скорее всего, был и Александр.

Первое прямое упоминание Александра относится к 1228 г. Продолжавший править в Новгороде князь Ярослав Всеволодович в конце лета 1228 г. выехал из города в свой Переяславль, оставив в Новгороде «2 сына своя, Феодора и Александра, съ Федоромъ Даниловицемъ, съ тиуномъ Якимомъ»¹⁸. 8-летний Федор и 7-летний Александр были оставлены в качестве наместников отца, однако фактически они должны были действовать по подсказкам ярославовых бояр — Федора Даниловича и тиуна Якима. Правление маленького княжича Александра вместе с братом продлилось недолго. Уже 20 февраля 1229 г. Ярославичи бежали из Новгорода, опасаясь начавшихся в городе волнений¹⁹.

Однако в январе 1231 г. Ярослав вновь оставил в Новгороде в качестве наместников двух своих старших сыновей. Они формально замещали отца во время его отлучек из Новгорода в Переяславль²⁰. Летом 1233 г. во время приготовлений к свадьбе неожиданно скончался 13-летний Федор Ярославич²¹. Теперь уже Александр стал старшим среди своих братьев.

В 1236 г. отец Александра Ярослав Всеволодович, воспользовавшись тем, что за Киев разгорелась ожесточенная борьба между южнорусскими князьями, в которой более всего страдали сами киевляне, покинул Новгород и с помощью новгородцев вокняжился в Киеве²². Но и контроль над Новгородом Ярослав терять не хотел. Вместо себя он оставил на новгородском столе своего старшего сына Александра. Тому исполнилось уже 15 лет, по представлениям тех времен он стал уже человеком взрослым, у него был опыт правления в Новгороде, но теперь он мог княжить вполне самостоятельно, не всегда прислушиваясь к советам отцовских бояр. В первые же годы своего властвования в Новгороде Александру пришлось столкнуться с рядом серьезных проблем.

Проблемы эти касались взаимоотношений Новгорода со своими западными соседями. На северо-западных границах Новгороду и правившему в нем князю приходилось сталкиваться со Шведским королевством, на западе — с немецким Орденом меченосцев и различными немецкими епископствами в Прибалтике, обладавшими значительной военной мощью. Юго-западные рубежи Новгорода постоянно нарушались силами крепнувшего Литовского государства.

Конфликты между Новгородом и Швецией начались еще в середине XII в., когда шведские короли начали наступление на племена, населявшие Финляндию. В те времена эта страна была заселена далеко не вся. Ее юго-западную часть населяло племя суоми, которое древнерусские люди называли сумь, а шведы и другие западноевропейские народы — финнами. Внутренние области южной Финляндии, район центральных финских озер населяло другое большое финское племя — хеме, или емь — по-древнерусски, тавасты — по-шведски. С племенем емь у новгородцев были давние контакты. Постепенно распространяя свою власть на прибалтийские племена: водь, чудь-эстов, весь (вепсов), ижору, ливов, корелу, Новгородская республика вошла в соприкосновение и с емью. Привлекая на

свою сторону нарождавшуюся местную знать, новгородское боярство стало подчинять себе емь, заставляя это племя платить дань. Правда, новгородское властвование этим и ограничивалось. Ни укрепленных опорных пунктов, ни религиозных центров, откуда можно было распространять христианство среди языческой еми, у Новгорода в земле этого племени не было. Данное обстоятельство было использовано шведскими феодалами, когда, установив свое господство над племенем сумь, они в 40-х гг. XII в. перенесли свои действия во внутренние области южной Финляндии, населенные емью. В отличие от новгородской шведская экспансия на финские земли имела несколько иной характер. Шведские феодалы не ограничивались получением дани, они стремились закрепиться в новых землях, возводя там крепости, подчиняя местное население пришедшей администрации, вводя шведское законодательство, идеологически подготавливая и закрепляя все это насильственным обращением тавастов в католичество. Первоначально емь весьма благосклонно воспринимала пропаганду шведских миссионеров, рассчитывая с шведской помощью избавиться от уплаты дани Новгороду, что, в свою очередь, вызвало походы отца Александра Невского Ярослава Всеволодовича на емь в 1226—1228 гг., но, когда шведы стали вводить в земле еми свои порядки и разрушать местные языческие капища, это финское племя ответило восстанием²³.

О масштабе, характере и отчасти о времени этого восстания можно судить по булле знаменитого папы римского Григория IX от 9 декабря 1237 г., адресованной главе шведской католической церкви Упсальскому архиепископу Ярлеру: «Как сообщают дошедшие до нас ваши письма, народ, называемый тавастами, который когда-то трудом и заботами вашими и ваших предшественников был обращен в католическую веру, ныне стараниями врагов креста, своих близких соседей, снова обращен к возбуждению прежней веры и вместе с некоторыми варварами и с помощью дьявола с корнем уничтожает молодое насаждение церкви божией в Тавастии. Малолетних, которым при крещении засиял свет Христа, они, насильно этого света лишая, умерщвляют; некоторых взрослых, предварительно вынув из них внутренности, приносят в жертву демонам, а других заставляют до потери сознания кружиться вокруг деревьев; некоторых священников ослепляют, а у других из их числа жесточайшим способом перебивают руки и прочие члены, остальных, обернув в солому, предают сожжению; таким образом, яростью этих язычников владычество шведское ниспровергается, отчего легко может наступить совершенное падение христианства, если не будет прибегнуто к помощи бога и его апостолического престола.

Но, чтобы с тем большей охотой поднялись бы мужи богобоязненные против наступающих отступников и варваров, которые церковь божию столь великими потерями привести в упадок жаждут, которые веру католическую с такой отвратительной жестокостью губят, поручаем братству вашему апостолическим посланием: где бы только в означенном государстве или соседних островах ни находились католические мужи, чтобы они против этих отступников и варваров подняли знамя креста и их силой и мужеством изгнали по побуждению благодетельного учения»²⁴.

Конечно, в папском послании, рассчитанном на чтение в храмах с многочисленными верующими, краски были сгущены, но из обращения папы бесспорно следует, что в земле еми произошло крупное восстание против шведского господства, что для его подавления римская церковь организует крестовый поход «мужей богобоязненных», что тавасты выступили против шведов не одни, а «стараниями своих близких соседей ... вместе с некоторыми варварами». Непосредственными соседями еми были племена суми и корелы. Если земли суми уже длительное время находились под властью шведской короны и влиянием католической церкви, это племя не могло помогать еми-тавастам, то остается корела. Но корела входила в состав Новгородского государства, и вмешательство корелы означало вмешательство Новгорода, стремившегося вернуть свои позиции в землях еми. Когда же такое вмешательство имело место?

Булла Григория IX была составлена на основании писем архиепископа Упсальского, в свою очередь основанных на донесениях подчиненного последнему епископа Финляндского Томаса. Папа получил послания от главы шведской церкви, скорее всего, от своего легата Вильгельма Моденского, летом 1237 г. прибывшего в Прибалтику²⁵. Следовательно, восстание в Тавастии произошло до лета 1237 г., но и незадолго до этого, поскольку в противном случае обращение к папе теряло свой смысл. А «старания врагов креста... близких соседей» еми, направленные против проникновения в земли еми шведов, имели место несколько раньше восстания, т. е. примерно в 1236—1237 гг. Иными словами, противодействие со стороны Новгорода шведской экспансии на восток пришлось на начало княжения в Новгороде Александра Ярославича. Как ни расценивать усилия Новгородской республики, направленные на сохранение своего влияния в землях еми, ясно, что без поддержки и одобрения этих усилий со стороны княжеской власти обойтись было невозможно. Молодой князь принимал решения, вероятно, советуясь со своим окружением, и решения ответственные.

Иначе складывались в то время отношения с прибалтийскими немцами. На землях Восточной Прибалтики немцы появились в 80-х гг. XII в., сначала просто проповедуя христианство, а затем, убедившись, что местное население поддается христианизации с трудом, стали подкреплять свои проповеди вооруженной силой. В начале XIII в. сподвижник рижского епископа Альберта Теодерих основал в Прибалтике Орден меченосцев, буллой от 20 октября 1210 г. признанный папой Иннокентием III²⁶. После этого усилиями меченосцев — «монахов по духу, бойцов по оружию» — немецкие владения в Прибалтике стали быстро расширяться. Орден и рижский епископ сумели захватить земли по нижнему и среднему течению р. Двины, принадлежавшие русскому Полоцкому княжеству или контролировавшиеся им²⁷. В 1210 г. рыцари перенесли военные действия на земли эстов, где были и владения Новгорода Великого. В 1224 г. меченосцы вместе с войсками рижского епископа захватили главный опорный пункт Новгорода в чудской (эстонской) земле — Юрьев (современный Тарту)²⁸. Последующая ожесточенная борьба привела в 1234 г. к мирному соглашению немцев с Новгородом, выгодному для русской стороны²⁹. Договор 1234 г. венчал усилия княжившего тогда в Новгороде Ярослава Всеволодовича по предотвращению немецкого наступления на новгородские и псковские земли.

Когда на новгородский стол вступил Александр, договор 1234 г. продолжал действовать. Ни крестоносцы, ни новгородцы не принимали каких-либо враждебных действий друг против друга. Написанное во Владимире на Клязьме сразу после смерти Александра Невского его Житие сообщает о самом раннем контакте Александра с Орденом меченосцев. Современник князя сообщал о том, что некогда к Александру «нѣкто силенъ от Западныхъ страны, иже нарицаются слугы божия, от тѣхъ прииде, хотя видѣти дивный възрастъ его ...именемъ Андрѣяшъ»³⁰. Поскольку приезд Андреяша объяснялся в Житии исключительно желанием рыцаря посмотреть на русского князя, многие ученые полагали, что весь эпизод — простой домысел автора Жития, стремившегося разными способами прославить Невского. Однако современник Александра Ярославича рыцарь Андреяш существовал в действительности. Речь должна идти об Андреасе фон Вельвене, в 1241 г. занимавшем высокий пост ливонского вице-магистра. По мнению немецкого исследователя Ф. Бенингховена, Андреас фон Вельвен был рыцарем Ордена меченосцев³¹. В Житии о приезде рыцаря «от Западныхъ страны» говорится до рассказа о Невской битве. Следовательно, встреча Андреаса с Александром имела место между 1236 г., когда Александр стал новгородским князем, и 1240 г., когда произошла битва на Неве. В период 1236 — 1240 гг. Орден меченосцев мог вести важные переговоры с новгородским князем лишь в 1236 г. Тогда Орден готовил большой поход против литовцев и искал союзников. Судя по Житию Александра Невского, приезд Андреаса никаких результатов не дал. По словам автора Жития, меченосец только подивился возрасту князя, что

весьма показательно, поскольку в 1236 г. Александр был совсем юн, и отбыл восвояси. Немецкие источники подтверждают, что в походе немцев на литовские земли новгородцы участия не принимали, но зато принимали участие псковичи. О последнем свидетельствует и Новгородская летопись³². Очевидно, Александр не поддержал Орден силами Новгорода и своей дружины по той причине, что в то время уже шла борьба за подчинение еми-тавастов. С другой стороны, он не воспрепятствовал тому, чтобы Ордену помогли псковичи. Тем самым нормальные отношения с Орденом, обусловленные договором 1234 г., сохранялись, а потому затруднялось участие орденских «мужей богобоязненных» в том крестовом походе против тавастов, к которому, по просьбе шведских епископов, призывал римский папа. Политика совсем еще молодого князя Александра, возможно, не без подсказок со стороны бояр, оказывалась достаточно реалистичной и дальновидной.

Поход на Литву, организованный Орденом меченосцев в 1236 г., закончился жесточайшим поражением немецких крестоносцев и их союзников от литовского князя Выкинты. В битве при Соуле пали магистр Ордена и 48 рыцарей, не считая потерь пехоты³³. Орден меченосцев фактически перестал существовать. Его остатки в 1237 г. срочно были объединены с Тевтонским орденом и подчинены ему. Тевтонский орден, основанный немецкими крестоносцами в Иерусалиме в 1191 г., в конце 20-х гг. XIII в. по просьбе польского князя Конрада Мазовецкого переселился в Хельминскую землю и стал завоевывать земли литовского племени пруссов. После слияния с ним Ордена меченосцев Тевтонский орден превратился в наиболее могущественную силу немецких крестоносцев в Прибалтике. Именно с этим Орденом пришлось впоследствии столкнуться Александру Невскому.

Серьезные потрясения пережил князь Александр в начале 1238 г. За несколько месяцев до этого на восточные русские земли обрушились монгольские полчища. Взяв Рязанское и Пронское княжества, они перенесли военные действия на владения князей — потомков Всеволода Большое Гнездо. В январе — феврале 1238 г. они подчинили себе великое княжество Владимирское, Переяславское княжество Ярослава Всеволодовича, княжества Юрьевское, Ростовское, Ярославское и Углицкое³⁴. Дядя Александра, великий князь владимирский Юрий Всеволодович, вместе с братом Святославом и тремя племянниками сконцентрировал силы в лагере на берегу маленькой речки Сити, притоке р. Мологи. Он ждал подхода полков своего брата Ярослава, но они не появились. Зато неожиданно нагрянули монголы. В ожесточенной битве они взяли верх. Великий князь Юрий был убит, ростовский князь Василько попал в плен, остальные русские князья спаслись бегством³⁵. Батый перенес военные действия на территорию Новгородской республики. После длительной осады он в начале марта 1238 г. взял Торжок и Селигерским путем пошел на Новгород. Но у Игнача Креста монголы остановились и повернули обратно³⁶. Александр не помог ни великому князю Юрию, когда тот был на Сити, ни жителям Торжка. Было ли это самостоятельным решением молодого князя, сказала ли здесь позиция новгородцев, не пожелавших ослаблять свои силы в борьбе с грозным врагом на чужой территории, или таковы были намерения продолжавшегося править в Киеве Ярослава Всеволодовича, сказать трудно. Более вероятным кажется последнее, поскольку Юрий ждал у р. Сити «брата своего Ярослава с полкы»³⁷, т. е. у него существовала договоренность именно с Ярославом, которую тот не выполнил.

Летом 1239 г. Батый взял южное Переяславское княжество, а затем одно из крупнейших древнерусских княжеств — Черниговское³⁸. Его войска не уходили из Руси, парализуя действия еще не подвергшихся разгрому русских князей. Этим воспользовались литовцы. В 1239 г. они захватили Смоленск. Понимая, что военные действия могут легко перекинуться и на новгородские земли, Александр укрепил литовское порубежье, поставив оборонительные городки по р. Шелони³⁹. Впрочем, эти опасения не оправдались. Осенью 1239 г. отец Александра Ярослав, ставший после гибели Юрия на р. Сити великим князем

владимирским, выбил из Смоленска литовцев⁴⁰ и тем самым предотвратил их возможное нападение на Новгород.

Беда к новгородцам пришла с другой стороны. Летом 1240 г. в новгородские пределы вторгся флот шведского короля Эрика Леспе. Время для вторжения было выбрано весьма удачно. Батый все еще не покидал русских пределов, его войска зимой 1239/40 г. захватили еще одно русское княжество — Муромское и вторично опустошили великое княжество Владимирское⁴¹. Новгородцам и их князю Александру не от кого было ожидать серьезной военной помощи. В самом деле, если проанализировать состав князей, занимавших новгородский стол с 1136 г., когда Новгород добился независимости от киевских князей и стал республикой, и до 1236 г., когда новгородский стол занял Александр, то состав этот окажется, по сути дела, неизменным. На новгородский стол садились только князья из Чернигова, Суздаля, Киева и Смоленска⁴². Очевидно, лишь эти княжества могли поддерживать Новгород в военном отношении, и лишь они были способны оказать материальную помощь новгородцам при часто возникавших в то время в Новгородской земле неурожаях и голоде. Но в 1240 г. Черниговское княжество лежало в развалинах, Суздальская земля и Смоленское княжество были сильно опустошены, не тронутым Батыем оставался Киев, но тот готовился к обороне от неминуемой монгольской осады. Со своими противниками Новгород оставался один на многих.

Известие о появлении в устье р. Невы шведского флота было получено в Новгороде своевременно. Узнав об этом, в Новгороде решили, что целью похода шведов и приплывших вместе с ними норвежцев, суми и еми является Ладога. Такое в новгородской истории уже было. В 1164 г. 55 шведских шнеков вошли в Неву, поднялись по ней в Ладожское озеро и достигли Ладоги. Правда, осада города для приплывшего шведского войска кончилась тогда большой неудачей. Это подробно описали новгородские летописцы⁴³. В 1240 г. новгородцы посчитали, что шведы хотят повторить, но без старых ошибок, операцию 1164 г. Князь Александр, спешно собрав свою дружину и часть новгородского войска, немедленно выступил к Ладоге. Русские полки, скорее всего, были конными и могли достигнуть Ладоги примерно за 3—4 дня. Однако у Ладоги шведы не появились. Расчеты новгородцев и князя Александра оказались ложными, противник преследовал совсем иные цели, чем в 1164 г. Шведские суда остановились недалеко от устья Невы, в устье другой реки — Ижоры, левого притока Невы. Пребывание шведов в этом месте, причем пребывание многодневное, никак не объяснено в источниках и в трудах последующих историков. Только в самом раннем фрагменте Жития Александра Невского, сохраненном Лаврентьевской летописью XIV в., сообщается, что в своем донесении двигавшемуся на шведов Александру старейшина Ижорской земли (племя ижора населяло в те времена берега Невы и подчинялось Новгороду) Пелгуй-Филипп указывал на шведские «станы и обрытья»⁴⁴. «Обрытья» — это боевые рвы. Очевидно, что в планы шведов входило строительство в Ижорской земле в стратегически важном месте такой же опорной крепости, какие строили они в землях суми и еми-тавастов. Устье Невы и в позднейшие времена представляло для шведов стратегический интерес. В 1300 г. они пытались построить здесь крепость при впадении в Неву р. Охты, построили ее, назвав Ландскроной, но этот могучий Венец Земли, как точно перевел шведское название русский летописец, на следующий год был до основания разрушен русскими войсками⁴⁵. Вернемся, однако, к событиям 1240 г.

Не обнаружив шведов у Ладоги, Александр двинулся на запад, к устью Невы, усилив свое войско отрядом ладожан. Получив от Пелгуя уточняющие данные о расположении шведского лагеря, сумев не обнаружить себя, Александр нанес по лагерю неожиданный удар. Был воскресный день 15 июля, сравнительно рано — половина девятого утра по современному часосчислению⁴⁶, когда на ничего не подозревавших шведов обрушились русские полки. Их внезапное появление вызвало среди шведов панику. Часть их бросилась на корабли, стоявшие у левого берега Невы, другая старалась переправиться на левый берег р. Ижоры. Пред-

водитель шведского войска пытался оказать сопротивление, построив оставшихся в боевые порядки, но все было тщетно. Непрерывно атакуя, русские заставили бежать и их. Владимирский биограф Александра Невского сохранил живые рассказы об участниках сражения и отдельных боевых эпизодах. Неся большие потери, шведы тем не менее сумели добраться до своих кораблей, погрузить на них тела павших наиболее знатных воинов и спешно отплыть в море⁴⁷. Первое крупное военное столкновение молодого новгородского князя закончилось его полным триумфом. Новгородский летописец отметил, что с русской стороны вместе с ладожанами пало «20 мужь ... или мнѣ» (менее)⁴⁸. Один из крупнейших современных специалистов по истории средневековой Руси профессор Оксфордского университета Джон Феннелл в недавно переведенной на русский язык книге «Кризис средневековой Руси. 1200—1304», основываясь на количестве павших с русской стороны, писал, что Невская битва была заурядным сражением и победа в ней Александра была «мелкой»⁴⁹. Однако летопись говорит лишь о потерях среди знатных и свободных мужей, и названная ею цифра в 20 человек оказывается не такой уж маленькой. Например, при взятии в 1238 г. Батыем Торжка было убито всего 4 знатных новоторжца⁵⁰. В 1262 г. при штурме немецкого города Юрьева русские полки потеряли двух знатных воинов⁵¹ и т. д. Конечно, Невская битва по своему масштабу уступала битвам при Бородине или Ватерлоо, но для XIII столетия это было крупное сражение, в котором участвовало несколько тысяч человек⁵². Победа на Неве не позволила шведским феодалам закрепиться на берегах Невы, закрыть Новгороду и другим русским землям выход к морю, изолировать от Новгородской республики земли ижоры и корелы. Однако вскоре этот военный успех был омрачен другими событиями.

Через полтора месяца после битвы на Неве соединенные силы Тевтонского ордена, датского короля, дерптского (юрьевского) епископа и служившего немцам русского князя Ярослава Владимировича неожиданным ударом захватили пограничную псковскую крепость Изборск. Выступившее на защиту Изборска псковское войско было разгромлено, его воевода Гаврила Гориславич пал в бою. Крестоносцы осадили Псков. Не получая ниоткуда помощи, псковичи вынуждены были 16 сентября 1240 г. капитулировать. В Пскове были посажены два немецких фогта. Их поддерживала влиятельная часть псковского населения во главе с боярином Твердилой Иванковичем. Но было и много недовольных установившимся немецким господством. Часть их вместе с семьями бежала в Новгород⁵³.

Там произошли странные события. Новгород покинул Александр Невский, рассорившись с новгородцами⁵⁴. Причины конфликта не раскрыты ни летописью, ни учеными-историками. А между тем они могут быть указаны. Изгнав с берегов Невы шведов, князь Александр тем не менее никак не воспрепятствовал захвату Пскова немецкими и датскими феодалами. Естественно, это вызвало резкое недовольство части новгородцев и особенно бежавших в Новгород псковичей. Однако после Невской победы Александр был не в состоянии противостоять агрессии новых врагов. Победа над шведами была достигнута преимущественно силами дружины самого князя Александра. Недаром новгородский летописец, написав о 20 русских мужах, погибших в битве, отметил гибель только 4 новгородцев. Составитель Жития Александра, называя шестерых храбрецов Невского сражения, указал лишь на двух новгородцев. Остальные представляли дружину Александра, один из них был убит. Совершенно очевидно, что основная тяжесть Невского боя легла на плечи княжеской дружины и именно она понесла наибольшие потери. А с сильно ослабленной дружиной, не получая помощи от других русских княжеств, князь — защитник Новгородской республики был просто не в состоянии выполнить свои обязанности. Обоюдные обвинения стали столь острыми, что Александр вынужден был покинуть Новгород и уехать к отцу в Переяславль. Этим сразу же воспользовались немцы. Зимой 1240/41 г. они захватили чудские и водские владения Новгорода, построили в Копорье крепость и, воюя собственно новгородскую территорию, подходили на расстояние в 30 верст от самого Новгорода⁵⁵. Возникла непосредственная угроза городу. При этом

выяснилось, что своими силами новгородцы не в состоянии справиться со все возраставшей немецкой агрессией. Стала очевидной необходимость приглашения на новгородский стол нового князя.

Выбор у новгородцев был невелик. Они вынуждены были просить о помощи того же Ярослава Всеволодовича. Тот прислал им вместо Александра другого сына — Андрея. Но и при нем нападения немцев на новгородские земли продолжались. Мало того, к ним прибавились нападения эстов и литовцев. Тогда новгородцы решили просить у Ярослава вместо Андрея снова Александра. Просьба была удовлетворена⁵⁶.

Александр въехал в Новгород в марте 1241 г. Он действовал осмотрительно и четко. Собрав все новгородские силы, ладожан, корел, ижору, он двинулся на Копорье. Возведенная немцами крепость была взята и разрушена, изменники из числа води и эстов были повешены, взяты заложники, но некоторые, поддерживавшие немцев, помилованы⁵⁷. Так закончился 1241 год.

В начале 1242 г. Александр получил военную помощь от отца. С владимирскими полками к нему пришел брат Андрей. Теперь можно было воевать собственно немецкие владения. Александр и Андрей вторглись в Чудскую землю. Перерезав все пути, которые связывали Орден и немецкие епископства в Прибалтике со Псковом, Александр неожиданным ударом с запада захватил Псков⁵⁸. Теперь его тылы были обеспечены. Вернувшись снова в землю эстов, он стал опустошать ее. Однако немцы уже начали собирать силы. Их войскам у местечка Моосте, близ р. Лутсу, удалось разгромить передовой отряд Александра под командованием Домаша Твердиславича, брата новгородского посадника, и дмитровского наместника великого князя Ярослава Всеволодовича Кербета⁵⁹. Домаш пал в бою. Это поражение заставило Александра Невского отступить на Чудское озеро.

Крестоносцы и их вспомогательные войска начали преследование русских полков. Александр расположил свое войско «на Узмени у Воронья камня»⁶⁰. Немцы построили свои боевые порядки «свиньей», во главе которой двигалась тяжеловооруженная рыцарская конница, и ринулись на русские полки. Александр укрепил фланги полков, а впереди войска поставил лучников, которые на расстоянии расстреливали крестоносную конницу⁶¹. Однако немцам удалось прорвать строй русских ратников. Битва приняла крайне упорный характер. В конце концов не выдержали боя вспомогательные войска крестоносцев, набранные из эстов, и побежали. За ними побежали и немцы. Победа 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера русских полков была полной. В том же году немцы прислали в Новгород посольство, которое заключило мир с князем Александром. Орден отказался от всех своих завоеваний 1240—1241 гг. в Новгородской земле, отпустил псковских заложников и разменялся пленными⁶². Условия этого договора были действительны даже в XV в.⁶³. Победу Александра Невского в Ледовом побоище Орден запомнил надолго.

Полководческий талант Александра, так ярко проявившийся в военных действиях 1240—1242 гг., укрепил авторитет князя и в политических делах. В Новгороде, где Александр Ярославич продолжал княжить, в течение долгих лет не поднимали вопроса о замене его иным князем. Сам Александр точно выполнял свои функции военного защитника Новгородской республики. Когда в 1245 г. литовцы неожиданно напали на принадлежавшие Новгороду земли Торжка и Бежецкого Верха, то Александр во главе своей дружины и новгородцев успешно отразил этот набег, а затем только со своей дружиной разбил литовцев под Жижичем и Усвятом⁶⁴.

Правление в Новгороде до поры до времени позволяло Александру Невскому избегать каких-либо контактов с монголами, летом 1242 г. установившими свою власть над большинством русских княжеств. Однако тесная связь с Владимирской Русью, где правили его отец, дядя Святослав, а также потомки старшего Всеволодовича — Константина, делала отношения с Ордой неизбежными. В 1245 г. туда отправился отец Александра великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Столицей Монгольской империи был тогда Каракорум на р. Орхоне в

Монголии. Ярослав совершил длительное путешествие, некоторое время пожил при дворе великого хана Гуюка, пока однажды его не пригласила к себе мать Гуюка Туракина. Она дала ему есть и пить из собственных рук, но после этого приема Ярослав скончался. Его странным образом посиневшее тело указывало на то, что он был отравлен. Это произошло 30 сентября 1246 г.⁶⁵ Родичи Ярослава должны были решить вопрос, кто из них станет великим князем владимирским. При ханском дворе в Каракоруме считали, что самым авторитетным (и опасным для Каракорума) на Руси является старший сын Ярослава — Александр. Туракина посылала к нему своих гонцов, предлагая Александру приехать к ханскому двору и получить землю отца, вынашивая вместе с тем тайные планы умерщвления Невского, однако Александр, почувствовав опасность, к Гуюку не поехал⁶⁶.

Вопрос о наследнике Ярослава решился на съезде русских князей во Владимире в 1247 г. Великим князем владимирским стал брат Ярослава Святослав, раздавший детям Ярослава различные княжества. Александр получил граничившее с Новгородом Тверское княжество и остался новгородским князем⁶⁷. Однако братья Александра были недовольны разделом, произведенным их дядей. Один из Ярославичей — Михаил Хоробрит — вскоре согнал Святослава с владимирского стола и сам занял его. Но пробыл он великим князем недолго: в 1248 г. он был убит в столкновении с литовцами на р. Протве⁶⁸. Другой Ярославич — Андрей, который по возрасту был старше Михаила, также был недоволен разделом, но он не стал прибегать к силе, а отправился в 1247 г. к Батыю, чтобы при его поддержке занять владимирский стол. Такой оборот дел заставил и Александра, имевшего прав на наследие отца больше, чем его братья, вслед за Андреем поехать в Орду. Батый не стал самостоятельно решать вопроса о владениях Андрея и Александра, а отправил их в Каракорум⁶⁹.

К тому времени там, видимо, произошли определенные политические изменения. С ханом Гуюком и его матерью Туракиной Батый не ладил, в Каракорум сам не ездил и с опасением следил за решениями великоханского двора относительно русского улуса⁷⁰. Явно задержав у себя Андрея и Александра, выехавших из Руси в разное время, Батый отпустил их в Каракорум вместе, возможно, тогда, когда умер хан Гуюк и потеряла власть Туракина⁷¹. Тем самым Александр избегал опасности, грозившей ему в 1246 г. И все-таки в Каракоруме его подстерегали крупные неприятности. Там весьма своеобразно рассудили братьев. Александр как старший брат получил Киев и «всю Русьскую землю», а Андрей — великое княжество Владимирское⁷². Внешне все обстояло пристойно. Формально Александр получил больше, чем его брат, Киев считался более значимым городом, чем Владимир. Но так было в домонгольское время. В 40-х гг. XIII в. Киев представлял собой поселение в 200 дворов⁷³, разорена была и составлявшая часть киевской территории «Русская земля». К тому же перед смертью Ярослав Всеволодович княжил не в Киеве, а во Владимире, и старший сын должен был получить наследие отца. Однако в Каракоруме решили по-иному, видимо, опасаясь усиления наиболее авторитетного в Северо-Восточной Руси князя. Неясна при таком распределении столов позиция Андрея Ярославича: сам ли он добивался Владимирского княжения, и тогда он действовал явно против Александра, или покорно следовал решениям монголов. Последнее кажется более вероятным.

Братья возвратились на Русь в конце 1249 г. Александр несколько месяцев пробыл во Владимире. Летопись сообщает, что когда зимой 1249/50 г. во Владимире скончался углицкий князь Владимир Константинович, его оплакивал и провожал из Золотых ворот «Александръ князь и с братьею». Той же зимой во Владимире умер еще один князь — Владимир Всеволодович ярославский. Направлявшуюся из Владимира в Ярославль похоронную процессию провожали Александр, ростовский князь Борис, его брат белозерский князь Глеб и их мать. Владимир Всеволодович умер «на память святого Феодора»⁷⁴, т. е. в феврале 1250 г. Пребывание во Владимире, стольном городе Андрея Ярославича, с конца 1249 г.

по февраль 1250 г. Александра Невского, его братьев — князей углицкого, ярославского, ростовского, белозерского наводит на мысль, что при возвращении двух старших Ярославичей из Каракорума во Владимире был собран съезд русских князей, на котором должны были обсуждаться вопросы взаимоотношений с иноземной властью и распределения столов между князьями в настоящем и будущем. Судя по тому, что никаких ссор между князьями не последовало, Андрей не препятствовал достаточно длительному пребыванию в своей столице старшего брата, князьям удалось договориться о разделении власти и своих правах. Лишь после этого в 1250 г. Александр вернулся на княжение в Новгород⁷⁵. Его правление там продолжалось без каких-либо эксцессов и потрясений. Только тогда, когда на Руси стало известно о восхождении в 1251 г. на каракорумский стол нового великого хана Менгу (Мунке), ставленника Батыя⁷⁶, Александр Невский вновь отправился в Орду (1252 г.). Целью его поездки, судя по всему, было получение Владимирского великого княжения. Возможно, что эта акция была заранее обговорена Александром с братьями и другими князьями во время его пребывания во Владимире в 1249/50 г. После его отъезда Андрей и Ярослав Ярославичи подняли восстание против монголов, надеясь, что смена хана в Каракоруме позволит им избавиться от вмешательства Орды в русские дела. По свидетельству летописи, владимирский великий князь Андрей и поддерживавшие его лица не захотели «цесаремъ служити»⁷⁷, т. е. Менгу и Батыю. Однако их расчеты не оправдались. Сторонник Менгу Батый направил на Русь войска во главе с Неврюем, который подавил восстание. Андрей бежал в Швецию, Ярослав остался на Руси. Эти события, изложенные в разных летописях с некоторыми нюансами, дали повод историкам считать, что Александр Невский, выждав, когда его брат Андрей поднял смелое восстание против иноземного гнета, коварно воспользовался обстоятельствами и добился в Орде права на владимирский великокняжеский стол, наслав при этом на Русь ордынскую карательную экспедицию под командованием Неврюя⁷⁸. Однако такие выводы основываются на поздних летописных компиляциях, в изложении которых нарушена последовательность событий и причинная связь между ними. Древнейшее же описание случившегося в 1252 г., сохраненное Лаврентьевской летописью, говорит о том, что Александр отправился к Батыю за получением прав на владимирский великокняжеский стол не после, а до выступления Андрея. В таком случае Александр мог действовать по старому уговору с князьями о великокняжеском столе, тем более что Андрей получил наследие отца из рук ханской власти, а не по древнерусским нормам княжого преемства, в обход старшего брата. Андрей по отбытии Александра в Орду, по-видимому, и выступил против ханов, надеясь удержать за собой великое княжение Владимирское, но просчитался. Еще до возвращения Невского он бежал из Руси. Александр же, сев на владимирский стол, заставил другого смутьяна, брата Ярослава, променять ему свое Переяславское княжество на его Тверское⁷⁹. Этой акцией Александр еще более усилил свои позиции как великого князя.

Хотя Андрей Ярославич нашел убежище в Швеции, которая, окончательно завоевав в 1249 г. емь-тавастов, встала тем самым в весьма напряженные отношения с Новгородом и княжившим там Александром Невским, последний сумел не превратить брата в заклятого врага, а сделать его своим союзником. Александр перезвал Андрея на Русь, выделив ему из состава своего великого княжества Владимирского Суздальское княжество⁸⁰. В 1257 г. Андрей как владетельный князь ездил вместе с Александром в Орду чтить хана Улагчи⁸¹.

Кроме Владимирского великого княжества под властью Александра Невского по-прежнему оставался Новгород. Правда, теперь Невский уже не княжил там сам, а держал в качестве наместника своего старшего сына, Василия. Новгородцы, свободные в выборе князей, этим обстоятельством были недовольны. В 1255 г. они изгнали молодого княжича из города, пригласив к себе из Пскова оставившего свое Тверское княжество Ярослава Ярославича. Александр немедленно собрал полки и выступил с ними против Новгорода. Новгородцы тоже решили биться,

но дело разрешилось миром. Князь Ярослав вынужден был покинуть город, на новгородский стол был возвращен Василий, произошла смена посадника, к управлению Новгородом пришли люди, поддерживавшие Александра Невского⁸².

Эта связь с могущественным князем помогла Новгороду пресечь попытку шведских феодалов и, по-видимому, фогта Виронии (области Северной Эстонии, подчинявшейся датскому королю) Дитриха фон Кивеля (Дидмана русской летописи) построить опорную крепость на восточном, принадлежавшем Новгороду берегу р. Наровы⁸³. Базируясь здесь, шведы и датский феодал рассчитывали начать наступление на Вотландию и Ингрию, т. е. земли води и ижоры, входившие в состав Новгородской республики. Узнав о действиях шведов и Дидмана, новгородцы послали послов с просьбой о военной помощи во Владимир к Александру Невскому и стали собирать собственное ополчение. Когда это стало известно шведам и фон Кивелю, они поспешно погрузились на корабли и бежали за море⁸⁴. Александр привел свои полки в Новгород, но противников уже не было. Тогда князь предпринял поход на Копорье, а оттуда направился в завоеванную за 7 лет до этого шведами землю еми. Поход Невского на это племя в 1256 г. — последний военный поход полководца — проходил в суровых зимних условиях, но закончился успешно⁸⁵. Позиции Швеции в земле еми оказались ослабленными, и внимание шведских феодалов было переключено с Новгорода на Финляндию.

По возвращении во Владимир Александр Невский был вынужден отправиться вместе с другими русскими князьями в Волжскую Орду чтить хана Улагчи. В конце того же 1257 года владимирскому великому князю пришлось еще раз иметь дело с монголами. На Русь прибыли чиновники из Каракорума, проводившие по приказу великого хана исчисление и обложение налогами всего подвластного ему населения⁸⁶. Если для жителей Северо-Восточной Руси взимание монголами различных налогов и поборов становилось делом привычным, то для Новгорода такие выплаты были новыми и неприятными. Когда до новгородцев дошел слух о том, что монголы будут брать у них тамгу и десятину, город страшно возбудился. На стороне новгородцев оказался правивший у них сын Александра Невского Василий. Александр вынужден был помогать чужеземцам. Его приезд с численниками в Новгород зимой 1257/58 г. закончился изгнанием из Новгорода Василия и жестокими пытками людей, подвигших его на противодействие монголам и отцу⁸⁷. Вероятно, управление Новгородом Александр взял на себя, осуществляя свою власть через собственных наместников. Тем не менее полностью усмирить новгородцев князю не удалось. Когда зимой 1259/60 г. в Новгород вторично приехали монгольские численники, здесь снова начались сильные волнения, которые не переросли в вооруженную борьбу только из-за вмешательства Александра⁸⁸. Ему удалось, видимо, найти какой-то компромисс, который удовлетворил новгородцев.

В начале 60-х гг. XIII в. Волжская Орда отделилась от Монгольской империи, став суверенным государством⁸⁹. Разладом между каракорумским и сарайским правительствами немедленно воспользовались на Руси. Во многих русских городах произошли восстания против сидевших здесь имперских чиновников. Александр Невский поддержал эти выступления, рассылая грамоты с призывом «тотар побивати»⁹⁰. В Сарае на эти действия смотрели сквозь пальцы, поскольку дело шло о ликвидации превратившейся в чуждую структуру власти. Однако, став самостоятельными, сарайские ханы начали испытывать недостаток в вооруженных силах. Даже во время существования единой Монгольской империи такой недостаток покрывался за счет мобилизации в монгольские войска подвластного монголам населения. Сарайский хан Берке пошел по проторенному пути. В 1262 г. он потребовал произвести военный набор среди жителей Руси, поскольку возникла угроза его владениям со стороны иранского правителя Хулагу⁹¹. Александр Невский вынужден был отправиться в Орду, чтобы как-то смягчить требования хана. Берке задержал русского князя в Орде на несколько месяцев⁹².

Там Александр заболел. Уже будучи больным, он выехал на Русь. С трудом добравшись до Городца на Волге, князь понял, что до Владимира ему не доехать. Днем 14 ноября 1263 г. он постригся в монахи, а к вечеру того же дня скончался⁹³. Через 9 дней тело князя было доставлено в стольный Владимир и при большом стечении народа захоронено в основанном дедом Александра Всеволодом Большое Гнездо Рождественском монастыре⁹⁴.

Жизнь Александра Невского оборвалась рано. Ему даже не исполнилось сорока трех лет. Но эта жизнь с подросткового возраста была наполнена крупными событиями, сложными дипломатическими переговорами, смелыми походами, решительными битвами. Как полководец Александр Невский едва ли имеет себе равных среди других князей средневековой Руси. Но он был человеком своей эпохи, в характере которого причудливо сочетались жестокость к изменникам и послушникам с отрицанием усобной княжеской борьбы и стремлением облегчить положение покоренного чужеземными завоевателями народа. Особенно следует подчеркнуть то обстоятельство, что Александр в отличие от деда, отца, родных братьев, даже собственных детей ни разу не участвовал в кровавых междоусобных схватках. Внутренние конфликты были; чтобы решить их, Александр собирал войска, однако до открытых действий дело не доходило, решала угроза применения силы, а не собственно сила. Вполне очевидно, что это была сознательная политика Александра Невского, прекрасно понимавшего, что в условиях послебатьева погрома русских земель и чужеземного господства внутренние войны, даже в случае полной победы одной из сторон, могут привести только к общему ослаблению Руси и уничтожению ее трудового и военнеспособного населения. Биограф Александра Невского, написавший его Житие, бывший не только «самовидцем» взросления князя, но и очевидцем по меньшей мере последствий монгольского завоевания, специально обратил внимание на то, что Невский, став великим князем Владимирским, «церкви въздвигну, грады исполни, люди распуженыя събра в дома своя»⁹⁵. Обеспечение границ, сохранение целостности территории, забота о ее населении — вот главные черты деятельности князя Александра в тот критический период русской истории. Об Александре Невском кратко, можно сказать словами летописца XIII в.: «потрудися за Новъгородъ и за всю Русьскуюю землю»⁹⁶.

Примечания

¹ Даже в составленной совсем недавно «Летописи жизни и деятельности Александра Невского», где, казалось бы, должны были быть учтены последние исследования, касающиеся биографии знаменитого князя, приведены факты, не находящие опоры в источниках. Так, рождение Александра Невского отнесено к 30 мая 1220 г.; обряд княжеского пострига — к 1223 г., местом пострига указан Спасский собор в Переяславле, хотя ранние источники таких фактов не содержат, зато они сообщают о том, что почти весь 1223 год отец Александра Ярослав провел в Новгороде, а без него постриги вряд ли были возможны; в 1238 г. Александр не был князем Дмитровским и Тверским; в октябре 1246 г. он не мог хоронить отца во Владимире, так как тот 30 сентября указанного года скончался в Каракоруме, откуда его тело не могли за месяц довести до Владимира; нет никаких данных, свидетельствующих о получении Александром в 1247 г. Переяславля, Зубцова и Нерехты; второй брак Александра Невского, отнесенный в «Летописи жизни и деятельности» к осени 1252 г., явно недостоверен, причем не объяснено, как женился Александр на Дарье, дочери рязанского князя Изяслава Владимировича, которая источникам неизвестна и которой, если бы она существовала в действительности, должно было быть не менее 35 лет (старше мужа на 4 года), и т. д. См.: Бегунов Ю. К. Летопись жизни и деятельности Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 206—209.

² О времени написания двух видов старшей редакции Жития Александра Невского см.: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть

XIV в.)//Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. Вып. 1. С. 36—39.

³ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 160.

⁴ Баумгартен Н. А. К родословию великих князей Владимирских. Мать Александра Невского//Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1908. Вып. 4 (16). С. 21—23. Первой женой Ярослава, по Н. А. Баумгартену, была половецкая княжна, а второй — Ростислава Мстиславовна.

⁵ Ее принял, в частности, такой крупный исследователь биографии Александра Невского, как В. Т. Пашуто.//См.: Пашуто В. Т. Александр Невский//ЖЗЛ. М., 1974. С. 10.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов//Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 61, 66, 78, 79, под 6731, 6736, 6748 и 6752 гг.

⁷ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926—1928. Стб. 450, под 6736 г.

⁸ Подробнее о матери Александра Невского см.: Кучкин В. А. К биографии Александра Невского//Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 71—80.

⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 470.

¹⁰ Там же. Стб. 444.

¹¹ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 106.

¹² ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 227. Перечень составлен в конце XV в.

¹³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

¹⁴ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. II. М., 1970. С. 7—8.

¹⁵ НПЛ. С. 79.

¹⁶ Подробнее о времени рождения Александра Невского см.: Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского//Вопросы истории. 1986. № 2. К дате 13 мая как дню рождения Александра Невского склоняется и В. К. Зиборов, указавший в подтверждение своего мнения на некоторые литературные параллели между Житием Александра Невского и службой Александру Римскому. К сожалению, В. К. Зиборову осталась неизвестной наша заметка 1986 г. о времени рождения Александра Невского. См.: З и б о р о в В. К. О новом экземпляре печати Александра Невского//Князь Александр Невский и его эпоха. С. 149—150.

¹⁷ НПЛ. С. 61.

¹⁸ Там же. С. 67.

¹⁹ Там же. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 269.

²⁰ НПЛ. С. 70.

²¹ Там же. С. 72.

²² Там же. С. 74.

²³ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 20—29, 33—37, 125—139.

²⁴ Там же. С. 141. Несколько иной перевод начальной и заключительной частей папской буллы см.: Князь Александр Невский и его эпоха. С. 54. Примеч. 37.

²⁵ Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 142 и примеч. 65 на с. 140.

²⁶ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. С. 70 и примеч. 27 на с. 255—256.

²⁷ Там же. С. 104, 114—115 и примеч. 74 на с. 274—275.

²⁸ Там же. С. 222—228; НПЛ. С. 61.

²⁹ НПЛ. С. 73.

³⁰ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века... С. 161.

³¹ Venninghoven F. Der Orden der Schwertbrüder. Köln; Graz. 1965. S. 444—445.

³² НПЛ. С. 74.

³³ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 371.

³⁴ Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 14.

³⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 465—466.

³⁶ НПЛ. С. 76.

³⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 461.

³⁸ Там же. Стб. 469.

³⁹ НПЛ. С. 77.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

⁴¹ Там же. Стб. 470.

⁴² Donskoï D. *Généalogie des Rurikides*. Rennes, 1991. P. 233—235.

⁴³ НПЛ. С. 31.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 479.

⁴⁵ НПЛ. С. 91.

⁴⁶ Сражение началось в «6 час дне» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 479). Для 15 июля это соответствовало 8 часам 35 минутам по современному часосчислению (Черепнин Л. В. *Русская хронология*. М., 1944. С. 50). Разъяснение А. Н. Кирпичникова, что битва началась «в 6-м часу дня, т. е. в 11 часов» (Кирпичников А. Н. *Невская битва 1240 года и ее тактические особенности*//Князь Александр Невский и его эпоха. С. 27), не учитывает то время года, к которому отнесено указание на 6 часов дня.

⁴⁷ НПЛ. С. 77; ПСРЛ. Т. I. Стб. 478—480. В исследованиях о Невской битве очень многое идет от позднейшей традиции, разного рода соображений и расчетов историков в ущерб свидетельствам ранних и достоверных источников. В частности, подвергается сомнению состав войска шведского короля, определенный летописью: свеи, мурмане, сумь, емь. Однако такое сомнение вряд ли может быть оправдано. Мурмане (норвежцы) — скорее всего, представители варбельгеро́в, бежавшие от преследований норвежского короля Хакона. Сумь и емь особых военных отрядов не составляли, они, возможно, были рабочей силой, которая должна была возвести крепость. Участие ладожан в войске Александра Ярославича можно объяснить только тем, что князь сначала пошел к Ладоге. Мысль, будто ладожане соединились с Александром где-то на пути к шведскому лагерю, представляется нереальной, поскольку в таком случае ладожанам и новгородцам необходимо было постоянно сноситься между собой, договариваясь о месте и времени встречи, и тратить на это дни, за которые можно было собрать не ладожан, а самих новгородцев. Между тем, как свидетельствует *Житие Александра*, последний выступил против шведов «в малѣ дружинѣ, не сождавъся со мноюю силою своею», «мнози новгородци не совокупилнся бѣша, понеже ускори князь понти» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 478, 479). Если к войску Александра не смогли присоединиться многие новгородцы, то как же это сумели сделать далекие ладожане? Такое могло произойти только в том случае, если первой целью похода Александра была не Ижора, а Ладога. К шведскому лагерю князь подошел на лошадях — «скоро приѣха» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 479), а не на судах, как иногда утверждают военные историки, заменяя своими мыслями прямые свидетельства источников. Нельзя представлять себе Невскую битву как правильное полевое сражение, что старается сделать А. Н. Кирпичников. Выражение «самому королеви взложи печать на лице острым своимъ копьемъ» не может означать «переднюю сторону строя шведских войск» (Кирпичников А. Н. *Указ. соч.* С. 27), будто бы заранее построенных для сражения, и т. д.

⁴⁸ НПЛ. С. 77.

⁴⁹ Феннелл Д. *Кризис средневековой Руси. 1200—1304*. М., 1990. С. 142—144.

⁵⁰ НПЛ. С. 76.

⁵¹ Там же. С. 83.

⁵² В шведской шнеке помещалось 40 человек. Шведский флот в 1240 г. был едва ли меньше флота 1164 г. Русские полки, по меньшей мере, насчитывали несколько сотен человек.

⁵³ НПЛ. С. 77—78; Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 13; *Ледовое побоище 1242 г.* М.; Л., 1966. С. 203—209.

⁵⁴ НПЛ. С. 78.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же; Бегунов Ю. К. *Памятник русской литературы XIII века...* С. 169.

⁵⁸ НПЛ. С. 78; Бегунов Ю. К. *Памятник русской литературы XIII века...* С. 169; ПСРЛ. Т. I. Стб. 470.

⁵⁹ НПЛ. С. 78, 79.

⁶⁰ Там же. С. 78.

⁶¹ Об этом говорят немецкие источники. Они также сообщают, что русская рать окружила крестоносное войско. Поскольку фронт русских полков был прорван, о чем единогласно свидетельствуют как немецкие, так и русские источники, окружение немецких сил могло произойти только в том случае, если Александр Невский заранее укрепил свои фланги. См.: НПЛ. С. 78; *Ледовое побоище 1242 г.* С. 213.

⁶² НПЛ. С. 78—79.

⁶³ Там же. С. 412—413.

⁶⁴ Там же. С. 79.

⁶⁵ Свидетелем кончины великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича в Каракоруме был монах-францисканец Карпини, который и описал смерть русского князя. (Иоанн де Плано Карпини. История монгалов; Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 57). Дата смерти Ярослава — ПСРЛ. Т. I. Стб. 471.

⁶⁶ Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч. С. 57.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 471; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 111, 113—115.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 229.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 471.

⁷⁰ Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 31—32.

⁷¹ Гуюк умер между 26 апреля 1248 г. и 15 апреля 1249 г.—Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Вып. II. М.; Л., 1941. С. 66. Примеч. 4.

⁷² ПСРЛ. Т. I. Стб. 472.

⁷³ Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч. С. 25.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 472.

⁷⁵ НПЛ. С. 80.

⁷⁶ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 30, примеч. 3. С. 33.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 473.

⁷⁸ См., напр.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 26—27, 35. Подобные мысли ранее высказывал, основываясь на авторских заключениях В. Н. Татищева, но не на показаниях древнейших летописных сводов, С. М. Соловьев (Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 152 и 324. Примеч. 299). Что касается В. Н. Татищева, то он события 1252 г. излагал по Никоновской летописи XVI в., дополняя ее своими заключениями. Ср.: Татищев В. Н. История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 40—41 и ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 138—139. Лаврентьевская и подобные ей другие древнейшие летописи во времена В. Н. Татищева известны не были.

⁷⁹ Кучкин В. А. Формирование... С. 115—116.

⁸⁰ Там же. С. 112.

⁸¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 474.

⁸² НПЛ. С. 80—81.

⁸³ Там же. С. 81. Подробнее см.: Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 206—213.

⁸⁴ НПЛ. С. 81.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 475. Подробнее см.: Насонов А. Н. Указ. соч. С. 11—14.

⁸⁷ НПЛ. С. 82.

⁸⁸ Там же. С. 82—83.

⁸⁹ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 51.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 30. Анализ этого известия см.: Насонов А. Н. Указ. соч. С. 52.

⁹¹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века... С. 177; Насонов А. Н. Указ. соч. С. 53—55.

⁹² НПЛ. С. 83.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 84; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века... С. 178—179.

⁹⁵ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века... С. 175.

⁹⁶ НПЛ. С. 84.